

DOI 10.31250/2618-8600-2021-4(11)-103-125

УДК 323.1(460)

М. К. Любарт

Институт этнологии и антропологии РАН

Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-3781-4422

E-mail: Margarita_Lubart@mail.ru

Миграционный кризис 2015 г. в оценках французских ученых

АННОТАЦИЯ. Большая волна мигрантов, прибывших в Европу в 2015-м и следующие годы из неблагополучных регионов Ближнего Востока и Африки, получила в СМИ и общественно-политическом дискурсе название «миграционный кризис». Однако большинство французских исследователей, изучающих проблемы миграции, считают, что это был не столько «миграционный кризис» или «кризис беженцев», сколько кризис европейских институтов, не сумевших принять большие массы беженцев, кризис зоны Шенгена и европейской солидарности, кризис миграционной политики ЕС и гостеприимства. Миграционная тема, включая оценку событий 2015 г., в значительной степени политизирована, а научные подходы в рассмотрении этого вопроса зависят от идеологической позиции исследователей. В настоящее время большинство представителей научного сообщества во Франции разделяют левые и леволиберальные взгляды, согласно которым прием массовой миграции считается благом, процессом, способствующим развитию страны и личности. Именно в такой оптике и был воспринят большинством французских ученых кризис 2015 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

миграционный кризис 2015 г.,
миграционная политика ЕС, Франция,
французская историография,
миграционный вопрос

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Любарт М. К.

Миграционный кризис 2015 г. в оценках французских ученых. *Этнография*. 2021. 1 (11): 103–125. doi 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-103-125

M. Lubart

Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3781-4422
E-mail: Margarita_Lubart@mail.ru

The Migration Crisis of 2015 as Assessed by French Scientists

ABSTRACT. A large wave of migrants who arrived in Europe in 2015 and the following years from the disadvantaged regions of the Middle East and Africa. It was named the “migration crisis” in the media and socio-political discourse. However, most French researchers studying migration problems believe that it was not a “migration crisis” or a “refugee crisis”, but a crisis of European institutions that were unable to accept the large masses of refugees, a crisis of the Schengen zone and European solidarity, a crisis of EU migration policy and crisis of hospitality. The migration theme, including the assessment of the events of 2015, is largely politicized, and scientific approaches to addressing this issue depend on the ideological position of researchers. Currently, most representatives of the scientific community in France share left-wing and left-liberal views, according to which the mass migration is considered a good and progressive phenomenon, a process conducive to the development of the country and the individual. It was in such optics that the crisis of 2015 was perceived by most French scientists.

KEY WORDS: migration crisis 2015,
EU migration policy, France, French
historiography, migration issue

FOR CITATION: Lubart M. The Migration
Crisis of 2015 as Assessed by French Scientists.
Etnografia. 2021. 1 (11): 103–125. (In Russ.).
doi 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-103-125

Конец 2014-го и 2015 год ознаменовались большой волной миграции в Европу из регионов Ближнего Востока и Африки, где развернулись военные действия и была дестабилизирована политическая и экономическая ситуация (Ливия, Сомали, Эритрея, Ирак, Афганистан и др.). Рост притока мигрантов в Европу был связан с обострением событий в Сирии. Около 4 млн человек бежали от ужасов войны в этой стране. Большинство из них остались на территории соседних стран (прежде всего Ирака, Турции, Иордании, Ливана), меньшая часть двинулась в Европу. За 2015 г. в страны ЕС, только по официальным данным, прибыло около 2,2 млн чел.¹ 2015 г. оказался также рекордным и по печальной статистике смертельных случаев, связанных в основном с опасностями транспортировки по Средиземному морю (об этом см.: Любарт 2017). С апреля 2020 г. года, когда миграционный поток приобрел лавинообразный и неконтролируемый характер, в официальных структурах ЕС его стали называть миграционным кризисом.

В 2015 г. было зарегистрировано рекордное число соискателей убежища в Евросоюзе: 1 255 600 человек — эта цифра более чем в два раза превышает аналогичную за предыдущий год². Политики стран Евросоюза оказались перед серьезными проблемами, связанными с приемом мигрантов. М. Ле Пен, одна из лидеров французского Национального фронта, сравнила эту миграционную волну с «нашествием варваров» на Европу в IV в., предупреждая, что она будет иметь схожие исторические последствия. Несмотря на то что власти Франции заняли весьма активную позицию в решении вопросов приема этой волны миграции на уровне ЕС, проблем оказалось много, и действия правительства вызывали критику как слева (тех, кто требовал шире открыть двери для миграции, соблюдать права мигрантов и т. д.), так и справа (тех, кто выступает за ограничение приема массовой миграции).

Растерянность политиков перед столь большим и неожиданным всплеском миграции и теми проблемами, которые она породила, политические кампании и усиление правого популизма способствовали формированию настроений тревоги и страха среди населения европейских стран. Политический дискурс повлиял на освещение миграционного кризиса в прессе, значимость сообщений об этих событиях в новостной повестке. Средства массовой информации в один голос заговорили о проблеме «миграционного цунами», «массового нашествия» мигрантов. Актуализировались правые политические силы, с новой силой зазвучали

¹ Asylum and migration in the EU: facts and figures. News European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/society/20170629STO78630/eut-migrant-crisis-facts-and-figures> (дата обращения: 03.08.2017).

² Record number of over 1.2 million first time asylum seekers registered in 2015 // Eurostat 2015. URL: www.ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-release/-/3-04032016-AP (дата обращения: 02.05.2017). https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STAT_16_581.

рассуждения о «замещении коренного населения» пришельцами с иных континентов и т. д. (подробнее об этом: Любарт 2018: 123–126).

Картины прибытия мигрантов — тысяч людей, пешком, вплавь, разными путями и дорогами направляющихся в Европу, спасающихся от войны, насилия, голода, страданий, — появились на первых страницах большинства новостных изданий, а фоторепортажи в прессе и видеосюжеты в теленовостях придали этим событиям «осязаемое» измерение. По оценкам, появившимся в научном обороте благодаря Верховному комиссару ООН по делам беженцев (Управление Верховного комиссара по делам беженцев, УВКБ/UNHCR), только в 2015 г. эта тема появлялась в медийном пространстве более миллиона раз (Leconte, Toureille, Grasland 2019: 183–184), что, конечно, создавало впечатляющий эффект и влияло на политические и гуманитарные последствия приема мигрантов. В средствах массовой информации произошло приоритетное выделение миграционной темы в ряду многих других политических и социальных событий. Репортажи в СМИ, в том числе французских, работали в пользу алармистских настроений, намеренно сосредоточивая свое внимание на самых драматических и трагических моментах. Порой в таких репортажах делались обобщения вроде того, что «происходящее в небольших масштабах является репрезентативным в европейском масштабе» (Akoka, Carlier, Coussemaker 2017: 77). Масс медиа и левой (приветствующим в целом миграцию), и правой (относящимся к ней с разной степенью настороженности) ориентации, несмотря на несхожесть позиций, объективно способствовали формированию настроений тревоги, неблагополучия и опасений, связанных с прибытием мигрантов в Европу.

Однако, в отличие от определения политиков и журналистов, говоривших о миграционном кризисе, оценка этих событий французским научным сообществом была не такой однозначной. Большинство представителей разных дисциплин, изучающих миграционные процессы, — юристы, экономисты, демографы, социологи, антропологи, психологи, политологи и др. — избегают определения «миграционный кризис» либо используют его в кавычках, выражая тем самым несогласие с подобным определением событий 2015–2016 гг. Выражение «миграционный кризис», по их мнению, принадлежит к числу эмоциональных, порожденных средствами массовой информации и политическим дискурсом, и не является научным термином. В ходе бесед с коллегами в Центре изучения международных миграций (Centre d'information et d'études sur les migrations internationales, Париж), в частности с директором центра Л. Мареном, с сотрудниками редакции научного журнала «Migrations Société», Дома наук о человеке (Maison des Science del'Homme, MSH) и ряда университетов Франции, мне довелось обсуждать эту тему в 2016–2020 гг., я обратила внимание на то, что французские специалисты специально останавливали внимание на том, что они не считают эти события «миграционным кризисом».

Такая позиция имеет для них столь принципиальное значение, что о ней постоянно упоминается и в их изданиях, и в различных публичных выступлениях. Само название некоторых конференций звучит как выражение этой позиции. Таково, например, название круглого стола кафедры изучения изгнаний и миграций «“Миграционный кризис”? Какой кризис?» («“Migration crisis”? What crisis?», MSH, Париж, октябрь 2019 г.)³. Участники этого круглого стола заявляли, что их выступления направлены на «критический анализ дискурсивного использования понятия “кризис”» и «деконструкцию понятия “кризис” в области миграции посредством междисциплинарного обмена, объединяющего философов, лингвистов, социологов и антропологов».

Исследователи указывают на существование разрыва между «экспертной информацией» и «информацией профанной», адресуют немало упреков журналистам, расставляющим «неверные акценты» в описываемых событиях, драматизирующих различные, возникающие благодаря мигрантам «внештатные ситуации», которые нарушают размеренный и спокойный ход европейской жизни. Словом, создают таким образом негативный образ пришельцев. Масс медиа связывают тему миграции и с проблемами криминала, терроризма, говорят о делинквенции, будто бы особенно присущей мигрантам-нелегалам, и т. д. Даже если речь идет о ситуации, где мигрант является не агрессором, но жертвой, его образ часто оказывается отрицательным. Именно негативные коннотации связаны с портретом мигранта чаще, чем положительные, именно такие стереотипы формируются в общественном сознании. Как считают ученые, масс медиа формируют дискурс, создающий негативный образ миграции и мигранта как представителя иной культуры, того самого «другого», о необходимости принятия которого столь часто говорят люди либеральных убеждений. Считается, что это «льет воду» на мельницу общественных страхов, ксенофобии и расизма (Leconte, Toureille, Grasland 2019: 183; Heller, Pécoud 2017; Mazzocchetti, Yzerbyt 2019: 1–2).

В специальном выпуске «*Journal of Immigrants and Refugees Studies*» 2018 г., посвященном трактовке миграционного кризиса в прессе, ряд авторов высказывают мнение, что интенсивная деятельность СМИ в течение последнего времени была причиной дискурсивного сдвига, то есть качественного изменения в описании международной миграции. Это, в свою очередь, привело к трудностям при размещении мигрантов в принимающих обществах (Krzyżanowski, Triandafyllidou, Wodak 2018).

В недавно вышедшей коллективной монографии с примечательным названием «Кризис приема» (*La crise de l'accueil* 2019), посвященной осмыслению событий 2015 г., авторы задаются вопросом о том, почему

³ «“Migration crisis”? What crisis?». URL: <https://www.fmsh.fr/en/college-etudesmondiales/30802> (дата обращения: 27.02.2021).

миграция сегодня в Европе чаще всего связывается к понятием «кризис» Ведь речь идет о явлении, которое стало частью современного мира и требует соответственного осмысления и принятия. Использование же термина «кризис» отражает прежде всего отказ европейских государств принять современное и международное измерение этого явления (La crise de l'accueil 2019: 12).

Многие представители ученого сообщества настроены критически и по отношению к действиям правительства во время миграционных событий 2015–2016 г. Главный упрек, адресуемый властям, — недостаточное гостеприимство, нежелание должным образом принять мигрантов. Несмотря на то что французская политика по приему миграции в последние десятилетия испытывает колебания, становясь то несколько либеральнее при правительстве левых, то более ограничивающей при правых, любое правительство, по мнению леволиберальных ученых, недооценивает миграцию и опасается ее. «Независимо от того, являются ли правительства левыми или правыми, их решения часто основаны на невысказанном консенсусе относительно необходимости контроля над границами, который нужен для защиты суверенитета и замешан на страхе утраты такого контроля» (Витоль де Венден 2009: 92).

Одной из причин ситуации, сложившейся в 2015 г., по мнению авторов монографии «Кризис приема», явилось фактическое нарушение политиками, руководящими ЕС, провозглашаемых принципов свободы перемещения и приема беженцев, сформулированных еще в Женевской конвенции 1951 г. Авторы указывают, что эти принципы декларируются, но на деле миграционная политика свидетельствует о нежелании многих стран принять беженцев.

Представители юридической науки отмечают, что некоторые установленные сейчас процедуры проверки беженцев не соответствуют международному праву, в частности той же Женевской конвенции, которая не требует от лица, ищущего убежища, ни паспорта, ни визы для признания его права получить защиту в государстве, куда он прибыл. Поэтому само по себе разделение на тех, кто «законно» и «незаконно» пересек границы ЕС в кризисной ситуации 2015 г., является сомнительным, так же, как и то, что беженцев заставляют доказывать свое право на эмиграцию (Blanchard, Rodier 2016: 3–4). Вместо того, чтобы оказать необходимую беженцам помощь, большинство государств — членов ЕС «предприняли укрепление границ как единственный ответ на увеличение спроса на международную защиту. Только дипломатические соображения не позволили Франции полностью оставаться в стороне от увеличения числа просьб о предоставлении убежища, которые затронули ее основных соседей» (Blanchard, Rodier 2016: 4).

Споры внутри ЕС о распределении квот на прием беженцев, отказ некоторых стран (Вишеградская группа) от их размещения,

внутриполитические ксенофобские дискурсы явились «ответом европейских институтов и правительств <...>, продолжением отрицания ответственности, вытекающей из их международных обязательств перед беженцами». Именно такая политика ЕС, далекая в реальности от провозглашаемых демократических принципов, и должна «рассматриваться как признак “кризиса” в Европейском союзе» (Blanchard, Rodier 2016: 6).

Поэтому — и здесь правоведов поддерживают и специалисты других областей гуманитарного знания — «использование термина “кризис”, который подразумевал бы структурное изменение явления международной мобильности, широко оспаривается специалистами в этой области, которые предпочитают термин “кризис миграционной политики” (*crise des politiques migratoires*) или “гуманитарный кризис” (*crise humanitaire*)» (Au-delà de la crise des migrants 2016; Triandafyllidou 2018: 200; Schmoll et al. 2015: 23–25).

Некоторые из французских специалистов проводят жесткие исторические параллели политики негостеприимства в прошлом и сейчас. Так, например, юрист, преподаватель права в Университете Париж — Нантер, активистка правозащитного движения GISTI (Groupe d'information et de soutien des immigrés) Даниэль Лошак считает причиной кризиса 2015 г. нежелание лидеров стран Европы принимать беженцев, аналогичное тому, из-за которого в конце 1930-х гг. закрывались двери перед беженцами-евреями, спасавшимися от нацизма. Автор усматривает ряд аналогий между политикой европейских правительств в канун Второй мировой войны и ситуацией 2015 г., в том числе — в поисках «пятой колонны». В этом качестве теперь выступают исламские террористы, проникающие в Европу, а в качестве «умиротворяемого» ныне агрессора — диктатуры, от договоренностей с которыми зависит сдерживание миграционного потока. «В те времена к беженцам, которых старались не принимать, относились как к обузе», — говорит она. Сравнивая детали (патрулирование морских путей, высылка нежелательных мигрантов), автор находит немало параллелей с сегодняшним днем даже в тех аргументах, которые приводили не желавшие принимать беженцев представители разных стран на конференции в Эвиане (Франция) 5–19 июля 1938 г. Так, Великобритания, Франция, Бельгия, Дания, Швеция, Швейцария заявили тогда, что они уже переполнены беженцами (Lochak 2016: 39–41).

Однако препятствия и закрытие границ для беженцев ни в прошлом, ни сейчас не дают желаемого результата: эти меры не могут остановить миграцию, но влекут за собой целый ряд бедствий. Это прежде всего массовая гибель беженцев на опасных путях в Европу, расцвет криминала, связанного с нелегальной переправкой людей, и т. д. Как указывают исследователи, «в 2015 году только на лодках прибыло более 900 000 нелегальных мигрантов. Меры по ограничению въезда людей явно не работают, но их финансовые, человеческие и политические издержки огромны»

(Costello 2015: 12). Закрытие границ почти не срабатывает, поскольку оно нарушает права человека (Wihtol de Wenden 2009: 39).

Раздаются и упреки в том, что правительства, и в частности французское, упустили возможности, которые предоставило массовое прибытие мигрантов в Европу. Чтобы понять, в чем суть этих упреков, приведу цитаты: «Столкнувшись с увеличением числа мигрантов, пытающихся попасть в Европу с 2015 г., европейские лидеры продолжают жесткую политику закрытых границ, начатую двадцать лет назад, т. е. именно ту, которая привела к нынешней ситуации, ставшей неприемлемой»; правящие круги «сеют недоверие и неприязнь к иностранцам вместо того, чтобы воспользоваться возможностью придумать настоящий Европейский политический проект. Таким образом, воображаемый “миграционный кризис” является демонстрацией того, что Европа или, по крайней мере, те, кто ею правит, не хотят открываться остальному миру. Вместо того, чтобы рассматривать вновь прибывших как шанс для европейского сообщества, источник культурного и человеческого богатства, вместо того, чтобы принять этот прекрасный вызов, и приветствовать несколько сотен тысяч человек, бежавших из своей страны, Европа занимается какими-то мелочными подсчетами [речь идет о квотах по распределению мигрантов в странах ЕС. — *Прим. авт.*], чтобы оправдать свою политику “управления потоками”, которая уже стоила жизни нескольким десяткам тысяч человек» (Parrot, Imbert 2016: 62).

Политику «сдерживания» миграции, которую проводит правительство, называют подчас лицемерной, поскольку официально Франция разделяет такие европейские демократические ценности, как свобода передвижений и необходимость приема беженцев. Стало быть, речь идет о глубоком кризисе этих гуманитарных ценностей (см., например: Wihtol de Wenden 2017, 2018). Европейская ограничительная политика в вопросах миграции и предоставления убежища, попустительство в трагедии, окончившейся гибелью тысяч мигрантов в Средиземном море и на других путях, даже называется авторами «терроризмом безразличия, который может оказаться более разрушительным для европейской совести, чем все другие формы терроризма» (Geisser 2015: 3–4, 12). Э. Макрона, выступавшего против ксенофобии крайне правых и с гораздо более умеренной позицией в вопросах приема мигрантов, упрекают в нарушении предвыборных обещаний (Geisser 2018: 5).

Кроме того, ученые называют миграционный кризис вымышленным, породившим риторику алармизма. «Политики и медиа воспользовались миграционной трагедией, чтобы обосновать идею о том, что Европа будто бы неожиданно и непредсказуемо оказалась перед лицом “миграционного кризиса” <...>. На самом деле, собственно, ни о каком кризисе речь не идет и, конечно, не может идти. Миграционная ситуация в мире назревала в течение ряда лет и особенно усложнилась с началом

войны в Сирии» (Parrot, Imbert 2016: 49). Ничего неожиданного не случилось, эти события — часть новой реальности, где миграции будут, видимо, только нарастать.

Ж. Дравиньи, главный редактор журнала «Migrations Société», утверждает, что идею «миграционного кризиса» следует изначально отвергнуть как потому, что это не было «кризисом по своей природе», так и потому, что такое определение косвенно возлагает вину за события на мигрантов, с чем согласиться нельзя. Произошедшее следует называть гуманитарной катастрофой (Dravigny 2017: 4). «Это не кризис мигрантов, но кризис политики гостеприимства», — говорят прямо в названии своей работы исследователи из Университета Париж — Нантер (Akoka, Carlier, de Coussemaker 2017), и этот кризис возник из-за неготовности и нежелания принять массовый приток беженцев.

Отсутствие согласия по поводу приема мигрантов разными странами ЕС, в том числе закрытие некоторыми из них своих границ, слишком разная позиция по вопросам миграции привели к кризису европейской солидарности, кризису зоны Шенгена, и даже — к кризису Европы, «европейского проекта». Это «кризис, который заключается в отсутствии привлекательности проекта, который люди больше не понимают и которого лидеры больше не хотят» (Matringe 2016: 11).

Заметим также, что ряд специалистов вообще не считает миграционный приток 2015–2016 гг. кризисом. Это связано, возможно, с тем, что осмысление самого понятия «кризис», ставшего весьма частотным во французском научном и публицистическом дискурсе, привлекло большое внимание исследователей за последнее время (см., например: Serres 2009; Crises et facteur humain 2009: 13–31; Courbon 2010a: 69; Courbon 2010b: 26–32). Оно широко употребляется в политическом и социальном лексиконе, когда речь идет о личности, экономике, обществе, цивилизации и т. д., и отражает, по сути дела, драматическое видение современным человеком окружающего мира (Portal 2009). Слишком многое в современной жизни воспринимается через призму понятия «кризис». Ссылаясь на это обстоятельство, французские исследователи обращают внимание на необходимость его осторожного использования, в том числе и в случае, когда речь идет о миграционных событиях 2015 г. Подразумевая под кризисом сущностное изменение сообщества, заметный отход от эталонного состояния, которое считается «нормальным», тяжесть положения, вызванную кризисным процессом, и его серьезные последствия, специалисты указывают на необходимость осторожного употребления этого термина.

В работах, рассматривающих события 2015 г., часто звучит утверждение, будто ничего кардинального, такого, что можно было называть кризисом, в 2015 г. не произошло. Так, демограф Ж.-Ф. Дюмон показывает, что с 2010-х гг. наблюдается усиление миграционных потоков в целом, и, если посмотреть по разным странам, увеличение прибытий происходило

в них в разные годы, а 2015 г. не выглядит на этом фоне исключительным (Dumont 2019: 4). Он и многие другие специалисты ссылаются на то, что это далеко не первая большая волна миграции за последнее время. «Разговор о миграционном кризисе в Европе будет означать, что мы сталкиваемся с *беспрецедентным притоком* (курсив мой. — М.Л.), который ставит под угрозу экономику и равновесие стран континента. Любой, кто серьезно работает над этими вопросами, знает, что в Европе этого не наблюдается» (Akoka, Carlier, Coussemaker 2017: 77).

Согласно данным Евростата, количество прибывших в Европу мигрантов в 2015 г. составило только 0,2 % от ее населения (которое на 1 января 2016 г. оценивалось примерно в 510 млн чел.). Исследователи задаются вопросом о том, можно ли такие цифры считать кризисом для Европы, особенно на фоне того, что большая часть беженцев осела в соседних с Сирией странах. Утверждение, что это самое большое перемещение людей после Второй мировой войны, сравнение его с Великим переселением народов звучит в СМИ и речах политиков (например, М. Ле Пен), но, по мнению, исследователей, оно является не более чем популистским мифом, направленным на создание атмосферы страха и выработку в этих условиях «репрессивной» миграционной политики на национальном и общеевропейском уровнях. Прибывающие в Европу люди являются беженцами, согласно Конвенции 1951 г., и им нужно оказать соответствующий прием, а не создавать весьма сложные юридические процедуры для их приема (см., например: Parrot, Imbert 2016: 49–50).

Обращение к истории миграций показывает, что Европа знала и другие большие миграционные волны в течение XX в., начиная от перемещений, связанных с Первой мировой войной и революцией в России 1917 г. Некоторые авторы напоминают, что в начале XX в. в мире было больше мигрантов, чем сегодня, а в межвоенный период во Франции было даже больше иностранцев, чем теперь. Наконец, после Второй мировой войны миграции охватывали около 40 млн человек только в Европе. Деколонизация Северной Африки в период с 1954 по 1965 г. привела к прибытию на континент почти 1,5 млн чел., так, во Францию приехали тогда около 800 000 чел. лишь за 1962 г., когда получил независимость Алжир. В 1979–1980 гг. в страну въехали более 120 000 вьетнамцев и камбоджийцев (Blanchard, Rodier 2016: 3–4).

В начале 1990-х гг. большой приток мигрантов был вызван распадом Советского Союза и социалистического блока, войной в Югославии. Известный французский политолог, главный редактор журнала «Hommes et Migrations» Мари Пуансо напоминает в связи со страхами, порожденными событиями 2015 г., что падение Берлинской стены в 1991 г. также сопровождалось на Западе тревожными ожиданиями: «Казалось, что нас ждет ужасная волна <...>. Угроза воображалась как нашествие Атиллы и гуннов, высаживающихся с равнин Сибири и вторгающихся в нашу

любимую Западную Европу». Но, продолжает автор, эти «потoki оказались не такими уж и страшными». Больше всего приехало мигрантов из Польши и Румынии — трудолюбивые люди, согласные работать за невысокую плату, которые весьма понравились работодателям (Poinsot 2017). Однако европейцы вопреки провозглашаемым ценностям открытости и сочувствия тем, кто только что пережил падение «социалистических режимов», встречали их с опасениями. И эти страхи оказались напрасными.

Война в Боснии 1993–1995 гг. также вызвала поток беженцев — около 2,2 млн чел. Последний крупный кризис начался в 2011 г. и связан с волной беженцев из Ирака и Афганистана и резким скачком в 2014–2015 гг., вызванным обострением ситуации в Сирии, а также бедственным положением населения в Ливии, Афганистане, Ираке, Сомали, Судане и Демократической Республике Конго. Вполне возможно, что и эти страхи окажутся напрасными (Bundy 2016: 6).

Ряд европейских стран миграции 2015 г. не затронули совсем, заметно проявились последствия обсуждаемой миграционной волны лишь в Германии, Австрии, Швеции, Великобритании, а также во Франции и Италии. В Греции, где число мигрантов составило в 2015 г. около 100 000 чел., подобная статистика наблюдалась и в предшествующие годы. В Испании в 2004–2007 гг. число мигрантов было гораздо выше, чем в 2015 г. В Италии пик миграции пришелся на 2007–2012 гг., в Бельгии — на 2001 г. В Польшу после 2012-го каждый год прибывает около 200 000 чел., в основном из Украины. В свете этих фактов нет оснований считать именно 2015 г. кризисным (Dumont 2019: 3). С утверждением, что Европа теперь перманентно принимает большое число миграций, что они стали характерной чертой времени, согласны многие специалисты.

Итак, прибытие в 2015 г. около миллиона беженцев не считается для Европы критическим событием. Да и сами цифры, представленные официальными структурами, как указывают специалисты, вряд ли могут претендовать на точность. К тому же оценка того, много или мало беженцев прибыло в ЕС, зависит от позиции интерпретирующего — считает ли он иммиграцию проблемой или нет: цифры субъективно кажутся большими, если иммиграция воспринимается как нежелательное явление (см., например: Akoka, Carlier, Coussemaker 2017: 77–78).

Многие исследователи указывают также на то, что статистика, предоставляемая «Frontex» и другими службами, учитывающими миграцию, неточна и имеет тенденцию к преувеличению, ведь часто принимается в расчет количество пересечений границы ЕС, из-за чего одних и тех же людей «считают» по несколько раз: например, при пересечении греческой границы, а затем еще хорватской или венгерской. Кроме того, указывают исследователи, официальные службы всегда говорят о потоках,

а не о сальдо миграции (за вычетом оттока), что дало бы более адекватную картину иммиграции, поскольку существует и отток.

Итак, мы можем заметить, что понятие «кризис» (*crise*) по отношению к миграционной волне 2015 г. (по крайней мере, в том, что касается ее численности) настойчиво отвергается. Однако и слова «миграционный» (*migratoire*) в сочетании со словом «кризис» многие авторы стараются избегать. Почему? Дело в том, что миграционная тема является одной из самых политизированных в публичном дискурсе Франции. Иммиграционный вопрос и такие связанные с ним непростые проблемы, как интеграция мигрантов, вопросы национальной идентичности и гражданства, дискриминации и расизма, прав мигранта и прав человека, весьма чувствительны в стране. Принципы толерантности здесь ощутимо диктуют свои условия, а словоупотребление и выбор терминологии являются отнюдь не случайными.

Слова «миграционный» («мигрантский»), «мигрант», как считается в академической среде, имеют дискриминирующие коннотации. Французские психологи отмечают негативный подтекст таких слов, как «мигрант» и «иностранец». Эти фигуры в обществе нередко воспринимаются как отрицательные (как лица с «террористическим потенциалом», сексуальные агрессоры, паразиты, злоупотребляющие социальной помощью, и т. д.) (Lhuilier, Pestre 2018: 11). Когда я, например, в разговоре употребляла слово «мигрант» по отношению к недавно прибывшему в страну, французские коллеги сразу чутко реагировали, поправляя: «Нет-нет, о нем нужно говорить “француз”, он уже получил гражданство». В случае, если прибывший еще не имел гражданства или какого-либо другого определенного статуса в стране, этого именованного все равно избегали. По моим наблюдениям, и те, кого называют «мигрантом», и те, кто произносит это слово в повседневной и публичной речи, хорошо чувствуют его дополнительные смысловые оттенки.

Рассматривая термины, с помощью которых описываются миграционные процессы, а теперь и миграционный кризис, Карен Аюка (Университет Париж — Нантер), тоже отмечает, что их выбор отнюдь не нейтрален. По сравнению со словом «мигрант», которое является, обобщающим понятием, поскольку может означать разные категории прибывших (беженец, экономический мигрант, нелегальный мигрант), предпочтительнее слово «беженец» (являющееся, кроме того, и юридическим определением). В обыденной речи оно подразумевает человека, вызывающего сочувствие, сострадание. Официальный же статус беженца получают люди, прошедшие специальную процедуру. К. Аюка обращает внимание на то, что определение и порядок предоставления этого статуса во Франции постоянно менялись в зависимости от политической повестки. Беженцами признавались в первую очередь те группы мигрантов, которым государство *хотело* предоставить убежище. Когда-то это

были русские и другие жители Восточной Европы, бежавшие от прокоммунистических режимов, затем — индокитайцы, спасавшиеся от колониальной войны, сейчас этот статус легче всего получают сирийцы, покидающие страну «диктаторского режима Асада», причем их легитимность «удваивается» или «утраивается», если они являются к тому же жертвами сексуального насилия или преследуемыми гомосексуалистами (необязательно страдающими именно от террористов ДАЕШ) (Akoka, Carlier, de Coussemaeker 2017: 84).

Если в условиях большого притока (как это было в 2015 г.) государство заявляет о приеме только беженцев, но не всех (имеется в виду не «экономических») мигрантов, то становится важным, кто подпадет под понятие «беженец» и как будет на практике применяться это определение официальными службами. Женевская конвенция о беженцах (1952 г.) позволяет давать различные толкования этим терминам. Исследователи указывают, что толкование, избранное сегодня французскими властями, отражает ограничительный характер французской миграционной политики. Дискурс о «кризисе», «проблеме иммиграции», включая употребляемую терминологию, относящуюся к мигрантам, говорит об обществе больше, чем о реальности, к которой они относятся, считает К. Акока (Akoka, Carlier, de Coussemaeker 2017: 77; Akoka 2018).

Антропологическое исследование М. Ажье, проведенное в офисах по приему мигрантов, показывает, как из-за «привилегированности» статуса беженца, который гарантирует соискателям убежище на французской земле, мигранты вырабатывают определенные «техники» поведения на собеседовании, которые позволили бы его получить. Вместе с тем речь идет о людях, претерпевших большие трудности, с риском для жизни достигших Европы, где они теперь оказываются нежеланными и подвергаются детальным проверкам. На новой «родине» они часто оказываются «париями», «вечными странниками», «метеками», не равными с остальными. Различные категории мигрантов появляются в результате осуществления «политики миграционного контроля, одержимости фантазией о вторжении на национальные территории» европейских стран чужаков. На самом же деле грань между «беженцами» и другими «мигрантами» подчас не очень существенна с гуманитарной точки зрения (Agièr 2019: 91).

Различие, которое обозначили французские власти, настаивая на разделении приема «настоящих беженцев» и экономических мигрантов, свидетельствует о желании контролировать и ограничивать миграционные потоки, и в данном случае роль терминов — в вуалировании реальных намерений государства, лишь на словах провозглашающего незыблемость принципа свободы перемещений и прием просящих убежища (Blanchard, Rodier 2016: 3–6). Процедуры для различения этих статусов абсурдны и унижительны. Напротив, следовало бы оказать гостеприимство

как можно большему числу людей (Dravigny 2017: 6–7). «Проведение различий между беженцами и мигрантами не только нереально, но и контрпродуктивно с позиций права на убежище», — уточняет еще один сторонник либеральной концепции приема миграции (Харрис 2009: 46). «Работа по “сортировке” мигрантов, — подтверждают юристы, — на беженцев, экономических мигрантов и нелегалов не позволяет проводить эту процедуру с должным уважением к правам тех, кто просит об убежище» (Parrot, Imbert 2016: 59).

События 2015 г. — не кризис, а, по мнению ученых, закономерное и естественное явление в глобализирующемся мире. За последние 40 лет миграции возросли в три раза (Wihtol de Wenden 2014: 8). Полагать, что их можно остановить или сдержать в эпоху, когда все в мире — товары, деньги, идеи, информация и т. д. — циркулирует, — просто иллюзия. Кроме того, «миграция не может быть остановлена без массового нарушения прав человека, прав мигранта. Она может быть лишь на некоторое время задержана или перенаправлена. Но европейские усилия по прекращению миграции в большом масштабе потерпят неудачи, учитывая такие факторы, как потребности выживания со стороны мигрантов и потребности рынка труда в европейских странах. <...> Организовать мобильность людей было бы гораздо эффективнее и дешевле, чем пытаться сопротивляться ей» (Crépeau 2016: 4; Пеку, Гюштенер 2009: 15).

Среди французских ученых немало тех, кто так или иначе разделяет во многом близкие идеи либерально-эгалитаристского подхода, концепции «миграции без границ», транснационализма, интернационализма и т. д. (см., например, коллективные работы: Миграции без границ 2009; (Dé)passer la frontière 2019 и др.). Ярким представителем концепции «миграции без границ» является Катрин Витоль де Венден — влиятельный ученый, политолог, социолог миграций, консультант ряда международных организаций, включая ОЭСР, Европейскую комиссию, УВКБ ООН и Совет Европы, член административного совета Музея истории иммиграции, член редколлегии журнала «Hommes et migrations», автор многих работ. Основные идеи либерально-эгалитаристского подхода и концепции «миграции без границ» состоят в том, чтобы максимально открыть границы и дать дорогу международным миграциям, которые являются благотворными как для стран исхода, так и для стран прибытия. Сторонники этих идей поднимают вопрос о признании права на миграцию как одного из фундаментальных прав человека и понимании его не только как возможности выезда из своей страны и права на перемещение (что было декларировано еще во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.), но и как возможности быть принятым в другой стране, что пока никак не гарантировано законодательно. Они говорят также о необходимости постановки вопроса о всеобъемлющем праве на мобильность: «...текст Всеобщей декларации прав человека является асимметричным, поскольку

он дает право на выезд, не давая права на то, чтобы его приняли, а право на иммиграцию является компетенцией принимающего государства, а не мигранта» (Withol de Wenden 2009: 41; Пеку, Гюштенер 2009: 13–14). «Идею права на свободу передвижения <...> все чаще рассматривают как центральную в современной концепции прав человека и как важный инструмент продвижения демократии, гражданства и борьбы против всех форм дискриминации» (Витоль де Венден 2009: 85). В современном мире должен реализоваться новый подход к мигрантам: человеку должно быть «позволено отказаться от рока появления на свет в бедной и плохо управляемой стране, у него должна быть возможность искать свою реализацию в другом месте». «Сегодняшний мигрант не похож на вчерашнего мигранта. Он тот, кто решил взять на себя ответственность за свой жизненный проект как личность, и кто отказывается быть осужденным на жизнь в бедной и отсталой стране» (Withol de Wenden 2014: 8; Withol de Wenden 2009: 39–41). Таким образом, миграционная политика отстает от процессов миграции, поскольку это скорее вопрос циркуляции, чем иммиграции, и ее принципы должны быть пересмотрены. Существуют не только права человека, но и права мигранта (Там же). «Право на передвижение проистекает из становящейся все более глобальной и мультикультурной природы современного мира. В мире, характеризующемся трансконтинентальными потоками, мобильность становится одним из главных ресурсов, к которому должны иметь доступ все люди» (Пеку, Гюштенер 2009: 27).

Как же в свете современной миграционной ситуации и событий 2015–2016 гг. выглядят вопросы этничности, сохранения национальной/этнической самобытности государств, в которые массово прибывают представители других культур, рас, религий? Французская гуманитарная наука, вообще с настороженностью относящаяся к терминам «этнос» и «этничность» в силу их тяжелой «обремененности», «задействованности» в нацистском дискурсе 1930-х гг., не считает, по всей видимости, эти вопросы сегодня важными.

По мнению той же К. Витоль де Венден, миф о возможности сохранить этническую гомогенность в современном мире относится к числу вредных, как и рассуждения французских алармистов, представителей правых, консервативных воззрений, выступающих за укрепление национальной/этнической идентичности, некой гомогенной национальной культуры и опасующихся, что иммиграция ведет к «замещению населения». Как считает исследовательница, свобода передвижения является важным достижением демократии, и ее оспаривание нанесет ущерб экономике и реализации европейского гражданства. Именно здесь проходит линия разногласий в позициях государств ЕС. В то время как страны Западной Европы готовы строить общую европейскую идентичность, принимая и внешнюю миграцию, правительства стран Восточной

Европы — Польши, Словакии, Венгрии, Чехии — «мечтают о гомогенности, т. к. они были образованы на обломках великих империй и сейчас сосредоточены на своей этнической и культурной идентичностях, стремятся утвердиться как национальные государства (Etats-Nations). Но гомогенность — это опасная идея, и правительства европейских стран не должны идти на поводу у общественного мнения, порой поддающегося влиянию популистов. Идея, что лучше жить с закрытыми границами, — это нонсенс во время глобализации, потому что «жить закрыто — это значит жить бедно», а в перспективе это означает регресс» (Wihtol de Wenden 2014: 5).

Смешение народов как результат миграций, по мнению многих французских специалистов, со временем будет только нарастать. Наивно полагать, что миграционная волна 2015 г. — единственная или последняя. Причины, породившие ее, не исчезли. Они продолжают существовать, а некоторые из них — усугубляться. Европа продолжает находиться в окружении очагов конфликтов: Сирия, Ирак, Африканский Рог, Ливия, Косово... Иммиграция (в том числе волна 2015 г.) является, по мнению Витоль де Венден, благом для Европы (и Франции в частности), т. к. это возможность решить демографические и экономические вопросы, а также проявить солидарность и уважение к правам человека (Wihtol de Wenden 2014: 16; Wihtol de Wenden 2016: 5).

В научном сообществе активно обсуждаются тема соблюдения прав человека, которые «не должны заканчиваться на границе страны», но должны простираться и за ее пределы, распространяться на мигрантов; тема демократии и прогресса такого общества, где не существует различий по национальному, религиозному и иным признакам. Авторы обращают внимание на гуманитарную сторону проблемы, которую иногда называют «неравной геометрией». Речь идет об отношении прав коренных европейцев и прав мигрантов, например о том, что терроризм в отношении европейцев вызывает большую реакцию в обществе, чем смерти мигрантов: «Мы должны признать, что за последние 15 лет число погибших или пропавших без вести в Средиземноморье не сопоставимо с количеством жертв терроризма на территории Европы, и это не вызывает все же больших общественных протестов или решительных заявлений европейских политиков. Действительно, согласно Международной организации миграции (МОМ), с 2000 г. более 22 000 мигрантов погибли в Средиземном море, пытаясь достичь Европы, это около 1 500 смертей в год». Если бы подобное число людей погибло в Европе в результате терактов, это вызывало бы беспрецедентный политический кризис (Geisser 2015: 4–5). Эти тысячи погибших в Средиземном море являются следствием повседневной деятельности европейских институтов и национальных правительств, которые «уже более двадцати лет проводят ограничительную политику, внося значительный вклад в ухудшение условий

пересечения границ мигрантами, увеличивая таким образом количество жертв» (Geisser 2015: 4–5, 11; об этом же см.: Wihtol de Wenden 2017: 5–17).

Несмотря на все сдерживание, не исключено, что миграция является не просто вынужденным изгнанием из страны, но возможностью для людей, бежавших с прежней родины, приобрести новую идентичность, новое общество и новый мир. Такими оптимистичными и лежащими совсем в другой плоскости размышлениями задаются сторонники приема миграции. «Чрезвычайные волонтерские усилия по всей Европе, предлагающие основную часть гуманитарной поддержки, помощь в интеграции, позволяют предположить, что в этих усилиях создается новое европейское гражданское общество» (Costello: 12). Это общество, благодаря миграции будет не только гражданским, но и транснациональным. Европейские страны, нуждающиеся в новых гражданах, могут пойти путем выдачи большого количества гуманитарных виз беженцам, чьи потребности в защите не могут быть удовлетворены в регионе происхождения. Оба эти шага будут беспроигрышными и для беженцев, и для принимающих сообществ (Costello: 13–14).

В результате попыток сдержать беженцев на границах ЕС было потрачено много денег, десятки тысяч людей погибли из-за закрытых границ, в то время как «принцип солидарности должен был привести нас к взаимопомощи», — утверждает в другой работе о миграции. Если этот момент и можно назвать кризисным и беспрецедентным, «то скорее из-за механизмов контроля, закрытия границ, которые только укреплялись в течение последних десятилетий» (Akoka, Carlier, Coussemaker 2017: 79).

В книге с говорящим названием «Следует ли открыть границы?» автор задается вопросом: «...почему бы не поинтересоваться преимуществами мобильности, вытекающими из большего открытия границ?» (Wihtol de Wenden 2017: 5). В числе преимуществ такого подхода называются не только экономические, демографические и культурные преимущества возросшей мобильности и более открытых границ, уже обсуждавшиеся многими исследователями, но и декриминализация приема миграции, выход из тени многих тысяч людей, которые сегодня считаются нелегальными мигрантами (Wihtol de Wenden 2017: 6–17).

Желание закрыть границы порождает больше беспорядка. И наоборот, содействие обмену, более широкое открытие границ должны обеспечить лучшее развитие. Поскольку движение мигрантов в Европу невозможно остановить, более разумным ответом является не закрытие, а открытие границ. «Вместо того, чтобы считать, что контроль потоков является правилом, а открытие границ — исключением, мы должны бы признать, что право на миграцию является правом человека XXI века и что его ограничение остается предметом подчинения государству или группе государств. Что случилось бы с миром, если бы все оставались

в пределах своих границ, без обмена или взаимодополняемости? Геополитические, экономические и демографические разделительные линии стали бы еще более существенными, и безопасность мира была бы в большей опасности» (Withol de Wenden 2014: 7, 16). В этой же логике находится и предложение облегчить въезд в ЕС беженцам по т. н. гуманитарным визам: «...одной из составляющих адекватного реагирования на кризис является не адресованная к беженцам просьба терпеливо ждать в лагерях возможности переселения (подход Великобритании), а открытие визовых каналов и четкое декларирование своих обязательств выделять большое количество гуманитарных виз, чтобы позволить тем, кто имеет в этом острую необходимость, прибывать легально» (Costello 2015: 13).

Подводя итог размышлениям о миграционных событиях 2015 г., К. Витоль де Венден в одной из своих работ делает вывод: это «не вторжение, не завоевание, не “обратный” крестовый поход, миграционное давление не исчезнет и будет продолжаться медленно и непрерывно, утверждая себя как неизбежный факт мировых событий. Взаимозависимость мира, развитие технологий, экономики, торговли и распространение идей подразумевают большую циркуляцию и, следовательно, политические преобразования за рамками национального государства» (Withol de Wenden 2017: 117).

В заключение хотелось бы отметить следующее. Несмотря на то, что далеко не все специалисты, работающие в области миграционной тематики, высказались по поводу миграционных событий 2015–2016 гг., и на то, что в своих работах ученые делают акценты на различных сторонах проблем, которые повлекла за собой большая миграционная волна, несмотря на нюансы в оценках происшедшего и того будущего, которое связывается с глобальными миграционными процессами, можно отметить заметное влияние на установки исследователей левых (включая лево-либеральные) взглядов. Это неудивительно, если принять во внимание распространенность взглядов именно левого спектра в среде научной и творческой интеллигенции Франции. Вот почему свободные миграции являются для многих представителей французской науки символом прогресса, свободного демократического будущего, равенства, «мира без границ».

Распространенность именно таких взглядов, сочувственных к миграции и мигрантам, особенно характерна для этой области исследований. Данный факт можно объяснить не только общетеоретическими подходами, но и более специфическими обстоятельствами. Тому существует ряд причин. Те, кто профессионально изучает миграции, имея дело непосредственно с мигрантами, работает «в поле», часто проникается к ним состраданием. Мне приходилось это явственно чувствовать в ходе бесед с французскими специалистами. Неудивительно, что эмпатия к объекту изучения, столь знакомая этнологам и социальным антропологам,

переходит и в научные труды. Немаловажно и то обстоятельство, что большинство мигрантов являются выходцами из бывших колонизированных стран, с которыми Франция исторически была и подчас остается сейчас связанной. Комплекс вины за колониальное прошлое и стремление компенсировать причиненное когда-то зло создает тот «фон», который если и не обсуждается открыто при оценке миграционного кризиса 2015 г., то часто имеется в виду при рассмотрении миграционных проблем, так или иначе влияя на их трактовку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Витоль де Венден К. Границы мобильности // Миграции без границ. Эссе о свободном передвижении людей / Под ред. А. Пеку и П. де Гюштенера. М., 2009. С. 85–104.

Любарт М. К. Франция и миграционный кризис 2015–2017 гг. // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 119–139.

Любарт М. К. Миграционный кризис в Евросоюзе (2015–2017 гг.): этнокультурный аспект. М.: ИЭА РАН, 2017. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 256).

Пеку А., Гюштенер П. де. Введение: миграции без границ — сценарий // Миграции без границ. Эссе о свободном передвижении людей / Под ред. А. Пеку и П. де Гюштенера. М., 2009. С. 13–56.

Полевые материалы автора (Париж, 2016).

Agier M. La lutte des mobilités. Catégories administratives et anthropologiques de la migration précaire // La crise de l'accueil. Frontières, droits, résistances. Sous la direction de A. Lendaro, C. Rodier, Y. L. Vertongen. Paris: La Découverte, 2019. P. 81–95.

Akoka K. Refugees or migrants? The political stakes of a juridical distinction // Nouvelle revue de psychosociologie. 2018. № 1 (25). P. 15–30.

Akoka K., Carlier M, Coussemaker S. Ce n'est pas une crise des migrants mais une crise des politiques d'hospitalité // Revue Projet. 2017. № 5 (360). P. 77–83.

Au-delà de la crise des migrants. Décentrer le regard. / Sous la dir. de C. Beauchemin, M. Ichou. Paris: Karthala, 2016.

Blanchard E., Rodier C. «Crise migratoire»: ce que cachent les mots // Plein droit. 2016. № 4 (111). P. 3–6.

Bundy C. Migrants, refugees, history and precedents // Force migration revue. 2016. № 51. P. 5–6.

Courbon B. À propos d'un constituant lexical de la modernité: aspects sémantiques du mot crise // Éla. Études de linguistique appliquée. 2010a. № 157. P. 49–74.

Courbon B. Le mot crise dans l'histoire // La Sœur de l'Ange. 2010b. № 6. P. 26–32.

Costello C. It need not be like this // Force migration revue. December 19, 2015. № 51. P. 12–14.

Crépeau F. Banking on mobility over a generation // Forced Migration review. 2016. № 51. P. 4. (Dé)passer la frontière // Passerelle. 2019. № 19.

Dravigny J. Présidence Macron et immigration: la continuité en marche? // Migrations Société. 2017. Vol. 29, no. 168.

La crise de l'accueil. Frontières, droits, résistances. Sous la dir. de A. Lendaro, C. Rodier, Y. L. Vertongen. Paris: Éditions La Découverte, 2019

Crises et facteur humain. Les nouvelles frontières mentales des crises / Sous la dir. de Th. Portal. Ed. De Boeck Supérieur. Bruxelles, Ed. De Boeck Supérieur, 2009.

De Genova N. Spectacles of migrant "illegality": The Scene of Exclusion, the Obscene of Inclusion // *Ethnic and Racial Studies*. 2013. № 36. P. 1180–1198.

Dumont G.-F. L'immigration en Europe au milieu des années 2010: «une crise migratoire»? // *Population&Avenir*. 2019. № 744. P. 4–7.

Geisser V. Méditerranée, "Morte nostrum": un terrorisme de l'indifférence? // *Migrations. Société*. 2015. № 3 (159–160). P. 3–12.

Geisser V. Projet de loi sur l'asile et l'immigration: indignation morale versus cynisme gouvernemental? // *Migrations. Société*. 2018. № 1. P. 3–11.

Heller Ch., Pécoud A. Counting Migrant Deaths at the Borders: From Civil Society's Counter — Statistics to (Inter) Governmental Recuperation // *Revue Européenne des Migrations Internationales*. 2017. № 33. P. 63–90.

Krzyżanowski M., Triandafyllidou A., Wodak R. The Mediatization and the Politicization of the "Refugee Crisis" in Europe // *Journal of Immigrants and Refugees Studies*. 2018. № 16. P. 1–14.

Leconte R., Toureille E., Grasland C. La production médiatique d'une «crise migratoire» // *Socio-anthropologie*. 2019. № 40 (1). P. 181–199.

Lendaro A., Rodier C., Lou Vertongen Y. Introduction générale // *La crise de l'accueil*. Dir. / de A. Lendaro, C Rodier., Y. Lou Vertongen. Paris, 2019. P. 9–29.

Lhulier D., Pestre É. Introduction. La double face de l'exil // *Nouvelle revue de psychosociologie*. 2018. № 25. P. 9–14.

Lochak D. 1938: le monde ferme ses portes aux réfugiés // *Plein droit*. 2016. № 111. P. 39–43.

Matringe J. Les notes de travail de Migrations sans frontières — L'espace Schengen: crise et méta-crise. Paris, 2016. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01516379/document> .

Mazzocchetti J., Yzerbyt V. Crise migratoire: le discours médiatique alimente-t-il la peur des migrants? // *Sociétés en changement*. 2019. № 7. P. 1–8.

Parrot K., Imbert L. La "crise migratoire" fantasmée ou l'échec programmé de la forteresse Europe // *Revue des Juristes de Sciences Po*. 2016. № 12. P. 49–52.

Poinsot M. "L'Europe des valeurs est quasi absente". Entretien avec Catherine Lalumière, présidente de la Maison de l'Europe de Paris // *Hommes et migration*. 2017. № 1317–1318.

Portal Th. Crises et facteur humain. Les nouvelles frontières mentales des crises. De Boeck Supérieur, 2009.

Schmoll C., Thiollet H., Wihtol de Wenden C. Migrations en Méditerranée. Paris: CNRS Éditions, 2015.

Serres M. Temps des crises. Paris: Éditions le Pommier, 2009.

Triandafyllidou A. A "Refugee Crisis" Unfolding: "Real" Events and Their Interpretation in Media and Political Debates // *Journal of Immigrant and Refugee Studies*. 2018. Vol. 16, iss. 1–2. P. 198–216.

Wihtol de Wenden C. Vers un droit universel à la mobilité // *Migrations Société*. 2009. № 121. P. 39–43.

Wihol de Wenden C. L'inscription des migration dans la mondialisation // S.E.R. «Études». 2014, 6 juin. P. 7–17.

Wihol de Wenden C. Une crise de la solidarité // Après-demain . 2016. № 39. P. 5–6.

Wihol de Wenden C. Faut-il ouvrir les frontières? Paris: Presses de Sciences Po, 2017.

Wihol de Wenden C. Crise des migrations ou crise des politiques d'asile et ses effets sur les territoires d'accueil // Hommes et migrations. 2018. № 4 (1323). P. 23–29.

REFERENCES

Agier M. La lutte des mobilités. Catégories administratives et anthropologiques de la migration précaire. *La crise de l'accueil. Frontières, droits, résistances*. Sous la direction de A. Lendaro, C. Rodier, Y. L. Vertongen. Paris: La Découverte, 2019, pp. 81–95. (In French).

Akoka K. Refugees or migrants? The political stakes of a juridical distinction. *Nouvelle revue de psychosociologie*, 2018, no. 1 (25), pp. 15–30. (In French).

Akoka K., Carlier M., Coussemaeker S. Ce n'est pas une crise des migrants mais une crise des politiques d'hospitalité. *Revue Projet*, 2017, no. 5 (360), pp. 77–83. (In French).

Au-delà de la crise des migrants. *Décentrer le regard*. Sous la dir. de C. Beauchemin, M. Ichou. Paris: Karthala, 2016. (In French).

Blanchard E., Rodier C. «Crisemigratoire»: ce que cachent les mots. *Plein droit*, 2016, no. 4 (111), pp. 3–6. (In French).

Bundy C. Migrants, refugees, history and precedents. *Force migration revue*, 2016, no. 51, pp. 5–6. (In French).

Costello C. It need not be like this. *Force migration revue*, 2015, no. 51, pp. 12–14. (In French).

Courbon B. À propos d'un constituant lexical de la modernité: aspects sémantiques du mot crise. *Éla. Études de linguistique appliquée*, 2010a, no. 157, pp. 49–74. (In French).

Courbon B. Le mot crise dans l'histoire. *La Sœur de l'Ange*, 2010b, no. 6, pp. 26–32. (In French).

Crépeau F. Banking on mobility over a generation. *Forced Migration review*, 2016, no. 51, p. 4. (In French).

Crises et facteur humain. Les nouvelles frontières mentales des crises. Sous la dir. de Th.Portal. Bruxelles: Ed. De Boeck Supérieur, 2009.

De Genova N. Spectacles of migrant “illegality”: The Scene of Exclusion, the Obscene of Inclusion. *Ethnic and Racial Studies*, 2013, no. 36, pp. 1180–1198. (In French).

Dumont G.-F. L'immigration en Europe au milieu des années 2010: «une crise migratoire»? *Population&Avenir*, 2019, no. 744, pp. 4–7. (In French).

Geisser V. Méditerranée, “Morte nostrum” :un terrorisme de l'indifférence? *Migrations. Société*, 2015, no. 3 (159–160), pp. 3–12. (In French).

Geisser V. Projet de loi sur l'asile et l'immigration: indignation morale versus cynisme gouvernemental? *Migrations. Société*, 2018, no. 1, pp. 3–11. (In French).

Heller Ch., Pécoud A. Counting Migrant Deaths at the Borders: From Civil Society's Counter — Statistics to (Inter) Governmental Recuperation. *Revue Européenne des Migrations Internationales*, 2017, no. 33, pp. 63–90. (In French).

Krzyżanowski M., Triandafyllidou A., Wodak R. The Mediatization and the Politicization of the “Refugee Crisis” in Europe. *Journal of Immigrants and Refugees Studies*, 2018, no. 16, pp. 1–14. (In French).

La crise de l'accueil. Frontières, droits, résistances. Sous la dir. de A. Lendaro, C. Rodier, Y. Lou Vertongen. Éditions La Découverte, Paris: La Découverte, 2019. (In French).

Leconte R., Toureille E., Grasland C. La production médiatique d'une «crise migratoire». *Socio-anthropologie*, 2019, no. 40 (1), pp. 181–199. (In French).

Lendaro A., Rodier C., Lou Vertongen Y. Introduction générale. *La crise de l'accueil.* Dir. de A. Lendaro, C. Rodier, Y. Lou Vertongen. Paris, 2019, pp. 9–29. (In French).

Lhuillier D., Pestre É. Introduction. La double face de l'exil. *Nouvelle revue de psychosociologie*, 2018, no. 25, pp. 9–14. (In French).

Lubart M. K. [France and the migration crisis 2015–2017]. *Novaia i noveishaia istoriia* [New and recent history], 2018, no. 5, pp. 119–139. (In Russian).

Lubart M. K. *Migratsionnyi krizis v Evrosoiuze (2015–2017 gg.): etnokul'turnyi aspekt* [Migration crisis in the European Union (2015–2017): ethnocultural aspect]. Moscow: IEA RAS Publ., 2017. (In Russian).

Lochak D. 1938: le monde ferme ses portes aux réfugiés. *Plein droit*, 2016, no. 111, pp. 39–43. (In French).

Mazzocchetti J., Yzerbyt V. Crise migratoire: le discours médiatique alimente-t-il la peur des migrants? *Societes en changement*, 2019, no. 7, pp. 1–8. (In French).

Parrot K., Imbert L. La “crise migratoire” fantasmée ou l'échec programmé de la forteresse Europe. *Revue des Juristes de Sciences Po*, 2016, no. 12, pp. 49–52. (In French).

Peku A., Giushtener P. de. [Introduction: Borderless Migrations — Scenario]. *Migratsii bez granits. Esse o svobodnom peredvizhenii liudei* [Migration without borders. An essay on the free movement of people]. Moscow, 2009, pp. 13–56. (In Russian).

Poinsot M. “L'Europe des valeurs est quasi absente”. Entretien avec Catherine Lalumiere, présidente de la Maison de l'Europe de Paris. *Hommes et migration*, 2017, no. 1317–1318.

Portal Th. *Crises et facteur humain. Les nouvelles frontières mentales des crises.* De Boeck Supérieur, 2009. (In French).

Schmoll C., Thiollot H., Wihtol de Wenden C. *Migrations en Méditerranée.* Paris: CNRS Éditions, 2015. (In French).

Serres M. *Temps des crises.* Paris: Éditions le Pommier, 2009. (In French).

Triandafyllidou A. A “Refugee Crisis” Unfolding: “Real” Events and Their Interpretation in Media and Political Debates. *Journal of Immigrant and Refugee Studies*, 2018, vol. 16, no. 1–2, pp. 198–216. (In English).

Vitol' de Wenden K. [The boundaries of mobility]. *Migratsii bez granits. Esse o svobodnom peredvizhenii liudei* [Migration without borders. An essay on the free movement of people]. Moscow, 2009, pp. 85–104. (In Russian).

Wihtol de Wenden C. Crise des migrations ou crise des politiques d'asile et ses effets sur les territoires d'accueil. *Hommes et migrations*, 2018, no. 1323, pp. 23–29. (In French).

Wihtol de Wenden C. *Faut-il ouvrir les frontières?* Paris: Presses de Sciences Po, 2017. (In French).

Wihtol de Wenden C. Une crise de la solidarité. *Après-demain*, 2016, no. 39, pp. 5–6. (In French).

Wihtol de Wenden C. Vers un droit universel à la mobilité. *Migrations Société*, 2009, no. 121, pp. 39–43. (In French).

Submitted: 01.12.2020

Accepted: 23.01.2021

Article published: 01.04.2021